

Анастасия Церковная,
ЖГУ им. Ивана Франко,
Житомир

ЭТНООБРАЗ УКРАИНЫ В АНГЛИЙСКИХ ПУТЕШЕСТВИЯХ ЭПОХИ РОМАНТИЗМА

Исследования «чужих» неизвестных культур с целью познания той части мира, которая находится за пределами «своего» национального пространства, с целью идентификации собственного «я» в системе национальных сущностей имеет длительную традицию.

Профессор Д. Лирсен в статье «История и метод имагологии в литературоведении» детально описывает ретроспективу развития и становления изучения образа «чужих». Ученый находит начало имагологических штудий в культурной критике XVI века, а именно учениях Юлия Цезаря Скалигера (1484 – 1558), который начал «сортировать европейские культурные и социальные модели в национальных категориях» [4, с. 17]. В статье «Образы – Информация – Национальная идентичность и национальный стереотип» голландский профессор подчеркивает, что «изучение имиджей начинается с предположения, что степень правдивости всяких обобщений не является важной для научного анализа» [8]. Современная имагология сосредоточена на литературном тексте как главном источнике не общих сведений о народах, их стереотипных представлениях другими нациями, а исследовании образов этнических сообществ как исключительно продуктов художественной деятельности автора. Литературная интерпретация хронотопа той или другой страны и ее взаимосвязь с литературной эпохой и особенностями национальных литератур выводит литературоведение на широкий междисциплинарный уровень.

Путешествие длительное время является основным источником информации о других странах и объектом исследования литературных образов далеких экзотических пространств. Доктор Невал Бербер в труде «Открытие Боснии и Герцеговины в английских путешествиях (1844 – 1912 гг.)» (2010) писала, что «Великобритания в начале XIX века имела многовековую традицию написания текстов путешествий, которая в дальнейшую эпоху стала неотъемлемой частью самого путешествия» [5, с. 1]. Эта традиция с начала XV века была обусловлена особенностью образовательной системы ряда высших учебных заведений Западной Европы и практикой гранд-туров – «продолжительного путешествия по континентальной Европе после окончания привилегированной (Public School) или частной школы

(Private School) под руководством домашнего воспитателя, тьютора (tutor), или без него» [1, с. 1]. Позже ведение дневников путешествий и дальнейшая их публикация стало правилом «хорошего тона» для всех образованных джентльменов, выезжающих за границу.

В эпоху романтизма парадигма идентификации иностранных хронотопов как периферии Эйкумены, которая доминировала во времена античности, или средневековое познание культуры других народов в контексте религиозных верований трансформируется в попытку исследования «народного духа» (за Гердером) «чужестранцев». Дневники путешественников во времена романтизма приобретают черты описательных рассуждений о природе, архитектуре, внешней и внутренней политике государств в системе европейских культурных и политических связей. Большинство английских авторов видели цель своего путешествия в раскрытии правды о посещаемых странах, но, по словам Т. Элкока, не желали «утомлять читателей замечаниями о местах и древностях, которые уже были описаны путешественниками ранее, а также шаг за шагом вести читателя по маленьким провинциям Рейна и Австрии, но хочет позволить сопровождать себя по наименее исследуемым местам на его пути» [2, с. 6]. Другой английский путешественник Д. Т. Джеймс писал, что «существует так много подобного между современными европейскими народами <...>, что современный путешественник отвергает любые мысли о захватывающем путешествии, полном приключений. Поэтому <...> предпочтение теперь отдается сведениям о политических теориях, обзорам военных доктрин, статистическим или научным собраниям исторических рассказов или, возможно, интересному эссе о характере определенного народа» [6, с. 3]. Английский путешественник понимал, где он находится, с жителями какой страны общается, и интерпретировал их согласно административному делению Европы XIX века, идентифицируя Волынь как «российскую Польшу», Галичину как часть Австро-Венгерской империи и т. д.

Новым и экзотическим представлялись для путешественников земли Восточной и Южной Европы. Английские авторы идентифицировали славянские земли в контексте малого территориального деления на области и провинции Российской и Австро-Венгерской империй: Галиция (Galicia), Волынь (Volynhya), Белая Россия (White Russia), Малая Россия (Little Russia) и т. д. Этнообраз украинских земель не имеет единого литературного воплощения, что обусловлено отсутствием государственности и территориальной раздробленности страны, и состоит из субобразов этнических областей Галичины, Волыни, Левобережной и Южной Украины.

Путешествие английских джентльменов первой половины XIX века в основном имело два маршрута: через север Европы в Российскую империю, а далее по Левобережной Украине в Крым (Эдвард Дениель Кларк, Джеймс Эдвард Александр, Чарльз Генри Скотт, Рейфор Рембл, Лоуренс Олифант и др.); через Правобережную Украину на пути домой или далее на восток (Джон Томас Джеймс, Томас Элкок, Эдвард Мортон, Эдмунд Спенсер, Адольф Слейд и др.).

Английские путешественники, кроме разных маршрутов, имели целью посещения разных стран. Так, Эдвард Мортон в «Путешествии в Россию и резиденции в Санкт-Петербурге и Одессе» описывает цель своей поездки в попытке «раскрыть всю правду о деспотизме в Российской империи» [9, с. 7], а Джеймс Эдвард Александер писал в предисловии о «естественном желании стать свидетелем военных операций» [3, с. 3] на востоке. Интерпретация посещаемых стран меняется в зависимости от пути автора. Если Э. Мортон определял целью путешествия визит в Российскую империю, житель этих земель в имагологической оппозиции приобретал черты «чужого», противоположного «своему», родному и близкому. В то время, как этнообраз жителя империи для Д. Э. Александера занимал лиминальную позицию между «своим» (английским, западноевропейским; местом начала путешествия) и «чужим» (восточным, ориентальным; конечным пунктом путешествия), трансформировался в образ «другого», отличного от «своего», но не «чужого».

Одним из английских путешественников XIX века, который побывал на территории украинских земель, был Эдмунд Спенсер. Он совершил ряд путешествий по Восточной Европе, Среднему Востоку и Азии, впервые опубликовав собственные путевые записки в 1836 году в Лондоне под названием «Замечания про Германию и немцев, с упоминанием Польши, Венгрии и Швейцарии в 1834, 1835 и 1836 годах». Позднее англичанин совершил путешествие вдоль Дуная и издал «Путешествия по Западному Кавказу, включая тур через Имеритию, Мигрелию, Турцию, Молдавию, Галицию, Силестию и Моравию в 1836 году» в 1838 году в двух томах. А в 1851 и 1854 годах соответственно опубликовал еще два путевых дневника: «Путешествия в Европейскую Турцию в 1851 году, через Боснию, Сербию, Болгарию, Македонию, Фракию, Албанию и Эпир» и «Турция, Черное море и Черкессия».

Во втором путешествии Э. Спенсер посетил украинские этнические земли Галичины и Буковины, которые в то время входили в состав Австро-Венгерской империи. Английский путешественник описывал дорогу на Буковину как «самую красивую в Европе» [10, с. 203]. Устав от «грязных узких улиц с деревянными домиками на

востоке и широких, плохо построенных городов юга России», Э. Спенсер назвал Черновцы «оазисом» [10, с. 204], создав образ переполненной жизни современного европейского города.

Колониализм австрийцев был признан англичанином как акт помощи и материального улучшения жизни коренного населения этих мест: «тевтонские расы были более склонны к завоеваниям, ведь повсюду, где они проникали, они приносили чистоту и порядок» [10, с. 204]. Жителей Галичины Э. Спенсер идентифицировал согласно местному территориальному разделу: «говорили на том же диалекте того же языка, что и местные князья, имели те же примитивные привычки и манеру одеваться» [10, с. 266]. Слово «примитивный» использовалось авторами-путешественниками для определения небольших народностей. Оно подчеркивало экзотический статус посещаемых земель. Среди больших европейских городов жители маленькой провинции, которая находилась под властью Австро-Венгерской империи, приобретали черты колонизированных этносов, которым пошло на пользу влияние европейской нации: «рука немецких правителей была заметна всюду, не только в безупречности дорог, но и в последовательности аккуратных сёл, которые имели достаточно современную конструкцию» [10, с. 267]. Концепт «чистоты» появился в английской путевой литературе как характерная черта западного мира, она противопоставлялась «грязи» и «упадку» городов и поселков Российской империи. Так, Д. Т. Джеймс, посетив Новгород-Северский (теперь Черниговская область, Украина – *А. Ц.*), описывал его, как «полностью деревянный город, лежащий на трех небольших холмах и содержащий очень мало ровных улиц, и вообще там не было ничего, что бы имело достойный вид или черты русского убранства, за исключением церквей» [7, с. 313]. Дом, в который пригласили путешественника, был «недостроенным: стены не были выложены досками, мох, затканый в промежутки, висел ключьями <...>. Вся семья спала в одной и той же комнате на циновках, овчине, соломе в своей повседневной одежде» [7, с. 320]. «Грязь» как художественная деталь путешествия по украинским землям присутствовала и в описании больших городов.

Англичанин Т. Элкок, проведя в путешествии восемнадцать месяцев в течение 1828 – 1829 годов, отмечает, что в Одессе, «третьем по величине городе в Российской империи», «местность вокруг абсолютно неинтересна: нет и дерева, стоящего внимания, в воздухе летом слишком много пыли, а зимой – очень грязно» [2, с. 8], а капитан Д. Э. Александер «грязным и неровным» называет «столицу Украины» Харьков, отметив, что он состоял лишь из «нескольких куполов, которые поднимались над жалкими лачугами пригорода» [3, с. 225]. Большинство английских путешественников соотносят

«грязь» с урбанистическими образами городов или поселков, при этом отмечают чистоту и аккуратность самих жителей, их единство с природой, веселый нрав и верность традициям.

«Грязь» и «чистота» в этнообразе украинского хронотопа приобрели черты дихотомического единства. Чистота и нетронутость природы, которая окружала грязные запыленные города, создавала романтический миф экзотического пространства, которое нарушено цивилизацией. Разочарованность и романтическая тоска трансформируется в монотонность и скуку: путешественники то постоянно сетуют на дороги и качество почтовых услуг: «По прибытию в первую же станцию, Подольск, работник почтового отделения сообщил нам, что никаких коней мы не получим в течение шести часов: это было не очень хорошим началом и мы подумали, что так может длиться всю наш дорогу по этим землям» [3, с. 213], – то описывают красоту окружающей природы, которая не меняется на протяжении длительного пути: «Сейчас перед нашими глазами раскинулась степь, укрытая богатыми пастбищами и усеянная дикими цветами. <...> Степь разрасталась и простиралась вдаль перед нами длинными и пологими склонами, и нескончаемые просторы напомнили мне бездорожную пустыню, которая пробуждала желание поторопиться вдаль за веселыми духами» [3, с. 230]. Образ степи приобретает роль художественного символа, который олицетворяет пространство, расположенное на границе двух миров, и соединяет в себе черты «Запада» и «Востока», «цивилизации» и «упадка», «грязи» и «чистоты».

В контексте образа «грязи» английские авторы эпохи романтизма описывают мотив «всенародного» пьянства. Посетив небольшой поселок Галичины, Э. Спенсер писал: «Водка, любимая водка, продавалась всюду, не только в домах, но и просто на улицах, а те, кто закончил торги, осушали остатки непроданного напитка так, будто это было пиво. Примечательным было то, что среди всех рас, которые только существовали, именно славяне имели пристрастие к этой унижительной привычке, будь то в России, или хорошо обустроенной Австрии, или Пруссии, всегда найдется часть славянских невольников, которые злоупотребляют спиртными напитками» [10, с. 270]. Выпивших людей встречает на своем пути и Д. Э. Александер. Находясь в Харькове, английский автор-путешественник сталкивается с проблемой в поиске слуги: «В итоге я нашел одного <...>: он был шведом, постоянно пьяным и беспомощным» [3, с. 226]. Образ пьянства во время путешествия по украинским землям приобретает черты лейтмотива, который касается скорее экзотического «чужого» / «другого» хронотопа в целом, чем определенного этнообраза украинца.

Новизна хронотопа Восточной Европы в английских путешествиях первой половины XIX века, а также тяготение эстетики романтизма к экзотическим образам и пространствам создает художественный миф славянских земель, которые посещают джентльмены. В зависимости от поставленных перед автором целей своего пути в имагологической оппозиции «свой – чужой» образ украинских земель может приобретать лиминальную позицию «другого», который совмещает черты соседствующих цивилизаций (западной и восточной). В интерпретации национальной сущности концепты «грязи» и «чистоты» имеют характер художественного символа, который соотносится с художественно-эстетическими категориями «востока» и «запада». Синонимичными к ним являются образы «упадка» и «процветания» городов, величие архитектуры храмов и бедность домов селян, недостроенные поселки и нетронутая красота природы. В системе литературных этнообразов английской литературы путешествий эпохи романтизма имаготипы отдельных украинских этнических областей объединяются в единый эйдос украинства как особой мультинациональной сущности.

Литература

1. Абрамова И. И. Значение «Гранд-тур» в образовании и воспитании джентльмена / И. И. Абрамова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vestnik.yspu.org/releases/pedagoga_i_psichologiy/32_6/. – Дата доступа: 15.07.2015.
2. Alcock T. Travels in Russia, Persia, Turkey, and Greece / T. Alcock. – London : Clarke and Son, 1831. – 227 p.
3. Alexander J. Th. Travel to the seat of war in the East, through Russia and the Crimea, in 1829 / J. Th. Alexander. – Vol. I. – London: Henry Colburn and Richard Bentley, New Burlington Street, 1830. – 308 p.
4. Beller M. Imagology: The Cultural Constractions and Literary Representation of National Character / M. Beller, J. Leerssen. – Amsterdam, 2007.
5. Berber N. Unveiling Bosnia-Herzegovina in British travel literature (1844 – 1912) / N. Berber. – Pisa: Plu-Pisa university press, 2010. – 196 p.
6. James J. T. Journal of a Tour in Germany, Sweden, Russia, Poland, during the years 1813 and 1814 / J. T. James. – Vol. II. Second edition. – London: John Murray, Albemarle-stkelt, 1817. – 435 p.
7. James J.T. Journal of a Tour in Germany, Sweden, Russia, Poland, during the years 1813 and 1814 / J. T. James. – Vol. I. Third edition. – London: John Murray, Albemarle-stkelt, 1817. – 470 p.
8. Leerssen J. Images – Information – National identity and national stereotype / J. Leerssen [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.imagologica.eu/leerssen>. – Дата доступа: 15.07.2015.
9. Morton E. Travels in Russia, and a Residence at St. Petersburg and Odessa in the Years 1827 – 1829 / E. Morton. – London : Longman, Rees, Orme, Brown, and Green, Paternoster-Row, 1830. – 486 p.

10. Spencer E. Travels Western Caucasus, including a tour through Imeritia, Mingrelia, Turkey, Moldavia, Galicia, Silesia, and Moravia, in 1836 / E. Spencer. – Vol. II. – London : Henry Colburn, Great Marlborough Street, 1838. – 374 p.